

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Масштаб ориентализма

Цель: ознакомиться с размышлениями Эдварда Саида об ориентализме как объекте приложения силы и влияния культуры; увидеть истоки ограниченности ориентализма как комплекса знаний и его роль в разделении мира на «своих» и «чужих».

Ключевые слова: ориентализм, Восток, Запад, дискурс, колония, империя, культура, власть, художественное творчество, стереотипы, знания, власть.

Мы продолжаем наш разговор о книге палестинского ученого Эдварда Саида «Ориентализм». Напомню, что в предыдущей лекции мы ознакомились с его трактовкой термина «ориентализм», историей и закономерностями возникновения этой области знаний на Западе, а также проблемой тесной связи между проводимой имперской политикой и порожденным ею ограниченным и тенденциозным востоковедением.

Сегодня мы рассмотрим главу из названной книги Э. Саида «Масштаб ориентализма», в которой он на примере колонизации Египта Великобританией размышляет о том, что в глазах колонизаторов служило оправданием их политики экспансии, и каким образом знание и культура укрепляли убежденность в уместности и даже необходимости проводимой политики.

Знание и власть

13 июня 1910 года, как указывает Э. Саид, Артур Бальфур выступил в Палате общин с лекцией о «проблемах, с которыми нам приходится сталкиваться в Египте». Бальфур был известен как ярый защитник интересов империи; он отстаивал позиции имперского влияния в ходе афганских и зулусской войн, британской оккупации Египта в 1882 году, Фашодского инцидента, битвы при Омдурмане, бурской войны. Все это придавало его выступлению в Палате общин большой вес. Но в его речи было нечто большее – стремление придать речи назидательный и морализаторский оттенок.

Некоторые члены Парламента выражали сомнение в необходимости построения «Англии в Египте», указывая на то, что, если некогда оккупация и была прибыльной, то теперь она превратилась в источник головной боли ввиду растущего в Египте национализма. Член Палаты Дж. М. Робертсон упрекнул Бальфура: «Какое Вы имеете право свысока относиться к людям, которых Вам вздумалось назвать «восточными»?».

В ответ на этот выпад Бальфур разразился большой речью, начав с трактовки термина «восточный» и заявив, что этот термин канонический, его использовали Чосер и Мандевиль, Шекспир и Драйден, Поуп и Байрон; что этот термин в географическом, моральном и культурном смысле обозначал Азию, или Восток. В Европе вполне можно было рассуждать о восточной личности, восточной атмосфере, восточной сказке, восточном деспотизме или восточном способе производства и при этом рассчитывать на понимание. Он сказал: «Я не пытаюсь встать на позицию превосходства. Мы знаем египетскую цивилизацию лучше, чем цивилизацию какой-либо другой страны. Мы знаем о ее древности, мы знаем ее достаточно близко; нам многое о ней известно. Она неизмеримо превосходит ту крохотную пядь, которую занимает история нашей собственной расы. Нашу историю едва можно проследить в доисторическую эпоху, тогда как египетская цивилизация к тому времени уже миновала свой зенит. Взгляните на все восточные страны. И не говорите больше о превосходстве или неполноценности».

В его замечаниях, анализирует выступление Э. Саид, доминируют две основные темы – знание и власть, бэконовские темы. Поскольку Бальфур оправдывает необходимость британской оккупации Египта, в его сознании превосходство ассоциируется с «нашим» знанием Египта, а не с якобы военной или экономической властью. Знание, по Бальфуру, означает исследование цивилизации от ее истоков до зенита и далее вплоть до заката – и это означает, что «мы» в состоянии проделать такое исследование. Знание означает возвышение над непосредственностью, движение за пределы своего Я, в чужое и далекое. Объект такого знания изначально уязвим перед лицом испытующего взгляда. Иметь знание о предмете – значит доминировать над ним, иметь над ним власть. И здесь обладание властью для «нас» означает отрицание автономии для «нее» – восточной страны, поскольку это «мы» ее знаем, и она существует именно в том смысле, в каком «мы» ее знаем. Знание англичанами Египта

– это и есть Египет Бальфура, а бремя познания уводит вопросы превосходства или неполноценности на второй план. Бальфур не обсуждает превосходства Англии над неполноценным Египтом, он принимает это как само собой разумеющееся.

Далее Бальфур переходит к следующей части своей аргументации: «Разве плохо для этих великих наций, что такое абсолютное правление будем осуществлять мы? Думаю, это хорошо. Думаю, опыт покажет, что они оказались под гораздо лучшим управлением, чем когда-либо прежде в истории, и это благо не только для них, но и, несомненно, благо для всего цивилизованного Запада. Мы находимся в Египте не только ради египтян; мы находимся там также ради всей Европы в целом».

Бальфур не приводит доказательств того, что египтяне и другие расы оценили или даже приняли то добро, которое принесла им колониальная оккупация. Бальфуру и в голову не приходит дать египтянам возможность говорить за себя, поскольку ожидается, что всякий египтянин, который только осмелится заговорить, – это, скорее, «агитатор, который хочет создать нам помехи», а не тот добрый туземец, который не заметит «помех» иностранного господства.

Рассмотрев этические проблемы, Бальфур переходит, наконец, к практическим: «Если управлять – это наше дело, дождемся ли мы за то благодарности или нет, сохранится или нет реальная и искренняя память обо всех тех утратах, от которых мы уберегли население, имеется ли ясное представление обо всех тех благах, которые мы им дали, – если это наш долг, то каким образом мы можем его исполнить?».

Говоря об утратах, Бальфур никоим образом не имеет в виду в качестве части этих утрат, подчеркивает Э. Саид, потерянную или хотя бы на неопределенный срок отложенную независимость Египта.

От констатации факта наличия знания о Египте и приписывания себе долга перед предметом этого знания, Бальфур переходит к вопросу власти и говорит о самоотверженных администраторах, которые выполняют свою работу «среди десятков тысяч людей, принадлежащих к другой вере, другой расе, другой дисциплине, другим условиям жизни». Такая управленческая работа потому и возможна, продолжает член Парламента, что колониальные администраторы понимают: дома их поддерживает правительство, которое одобряет все то, что они делают. Тем не менее, как только туземное население инстинктивно чувствует, что за теми, с кем им приходится иметь дело, не стоит ни силы, ни авторитета, ни симпатии, ни полной и щедрой поддержки пославшей их сюда страны, это управление утрачивает всякий порядок, что составляет самую основу их, «туземцев», цивилизации. И точно так же британские офицеры утрачивают чувство власти и авторитета, которые являются самой основой их деятельности во благо тех, к кому их послали служить.

Логика Бальфура представляет интерес не в последнюю очередь потому, что полностью согласуется с исходными посылками всей речи. Англия знает Египет, Египет – это и есть то, что знает Англия; Англия знает, что Египет не способен к самоуправлению; Англия подтверждает это оккупацией Египта; для египтян Египет – это то, что оккупировала Англия и чем теперь она управляет; иностранная оккупация, таким образом, становится «самой основой» современной египетской цивилизации. Египет нуждается в британской оккупации и даже настаивает на ней. Но если эту исключительную близость между управляющими и управляемыми в Египте, сетует Бальфур, нарушат парламентские сомнения дома, тогда «авторитет тех,... кто является доминирующей расой..., оказывается под угрозой». Страдает престиж Англии, ведь «тщетно было бы ожидать от горстки британских чиновников, что они смогут исполнить в Египте столь великую миссию, которую не только мы, но и весь цивилизованный мир возложили на них».

В качестве риторического действия речь Бальфура примечательна теми способами, какими он разыгрывает роли и представляет ряд персонажей. Там есть, конечно же, «англичане», в отношении которых местоимение «мы» используется могущественным человеком, ощущающим себя в числе лучших представителей своей нации. Бальфур также говорит от имени всего цивилизованного мира, Запада, и небольшого корпуса колониальных чиновников в Египте.

И, если он не говорит непосредственно от лица восточных народов, то только потому, что они разговаривают на другом языке. Но это обстоятельство не мешает ему знать, что они чувствуют, поскольку он разбирается в их истории; понимать их чаяния и их надежду на таких,

как он. Бальфур берет на себя право говорить за них, будучи уверенным в том, что они могли бы ответить, если бы их спросили, если бы вообще нужны были подтверждения тому, что и так для него очевидно: «они» – подчиненная раса, над которой доминирует раса, которая знает их, и потому знает, что для них хорошо и что плохо. И он знает это лучше, чем они могли бы знать сами. Все «их» величие – в прошлом, уверен Бальфур, и в современном мире они нужны только потому, чтобы могущественные и отвечающие современным требованиям державы смогли эффективно вывести их из состояния глубокого упадка и вернуть им доброе имя в качестве жителей колоний.

Бальфур брал на себя право говорить это о современном Египте в качестве члена парламента своей страны, от лица всей Англии, всего Запада, всей западной цивилизации. Ведь Египет был не просто еще одной колонией: он был оправданием западного империализма. До аннексии Англией он был практически хрестоматийным примером восточной отсталости. Он должен был стать триумфом английского знания и английской силы. В период между 1882 годом – началом английской оккупации Египта и разгромом националистического восстания полковника Араби – и 1907 годом представителем Англии в Египте был лорд Кромер. По выражению Бальфура, Кромер создал Египет (цитирую): «Все, к чему он прикасался, увенчивалось успехом. Стараниями лорда Кромера на протяжении последней четверти века Египет поднялся с самого низкого места в социальной и экономической градации до того уровня, на котором он находится среди восточных наций, теперь, я уверен, в полном одиночестве – процветая в финансовом и моральном отношении».

Как именно измерялось моральное процветание Египта, Бальфур не стал уточнять. Однако несомненным фактом была неоспоримая и всеобъемлющая «опека» Запада над восточными странами – от ученых, миссионеров, бизнесменов, солдат, учителей, которые подготовили и осуществили оккупацию, до функционеров высшего ранга, таких как Кромер и Бальфур, искренне считавших, что продумывают, направляют и даже заставляют Египет подниматься из восточного запустения к его нынешнему положению.

Дела Египта контролировались как в соответствии с общей теорией, так и с представлениями Бальфура о восточной цивилизации. Обоснование этой теории, если свести его к простейшей форме, пишет Э. Саид, было ясным, точным и легкодоступным: есть люди Запада, и есть люди Востока; первые господствуют, вторые нуждаются в том, чтобы над ними господствовали, что обычно означает оккупацию их земель и жесткий контроль над внутренними делами, а их тело и богатства при этом поступают в распоряжение той или иной западной державы.

В отличие от Бальфура, претендовавшего в отношении восточных народов на некую объективную универсальность, Кромер говорил о них конкретно как о тех, кем он управлял и с кем имел дело сначала в Индии, затем в течение 25 лет в Египте. «Восточные народы» у Бальфура – это «подчиненные расы» у Кромера. Именно упрощенное и предвзятое знание о подчиненных расах, или восточных народах, превращало управление ими в простое и при этом доходное дело. Знание дает силу, больше силы требует больше знания, и так далее в соответствии с прибыльной диалектикой информации и контроля.

Кромеровская позиция состоит в том, что английской империи ничего не грозит до тех пор, пока милитаризм и коммерческий эгоизм дома, а также т.н. «свободные институты» в колонии удастся держать под контролем. Согласно Кромеру, если логика есть нечто такое, «существование чего восточный человек склонен всецело игнорировать», то подходящий метод управления состоит не в том, чтобы применять к нему научные меры или физически вынуждать его принять логику. Скорее следует, считает Кромер, понять его ограниченность и (цитирую) «попытаться найти, к удовлетворению подчиненной расы, более подходящие и более сильные узы единения между правителями и правящими».

За усмирением подчиненной расы, уточняет Э. Саид, неизменно стоит имперская мощь и безудержная сила.

Наилучшим для подчиненной расы Кромер считает рассмотрение каждого отдельного аспекта управления, прежде всего, с позиций западного знания и опыта, согласованного с местными воззрениями. Если британская нация в целом будет настойчиво придерживаться этого принципа, продолжает Кромер, то «мы никогда не создадим почвы для патриотизма вроде того, что строится на близости по расе или по языку. Возможно, нам удастся взрастить нечто

вроде космополитической лояльности, основанной на уважении. Тогда при всяком обороте дела мы можем надеяться, что египтяне хорошенько задумаются, прежде чем связывать свою судьбу с каким-либо будущим Араби. Даже дикарь в Центральной Африке, в конце концов, может научиться петь гимн в честь британского чиновника, который отбирает у него джин, но взамен дает справедливость».

Готовность правителя к «серьезному рассмотрению» предложений, исходящих от подчиненной расы, хорошо показана в полном неприятии Кромера египетского национализма. Функционирование местных учреждений, отсутствие иностранной оккупации, самодостаточный национальный суверенитет, – все эти вполне ожидаемые требования были последовательно отвергнуты Кромером, который недвусмысленно утверждал, что «реальное будущее Египта лежит не на пути узкого национализма, охватывающего только коренных египтян, но, скорее, на пути широкого космополитизма».

Ограниченный ориентализм

Теперь мы, говорит Э. Саид, приближаемся к сути знания, как академического, так и практического, которое Кромер и Бальфур унаследовали от столетнего развития западного ориентализма: знание о восточных людях и знание самих восточных людей, их расы, характера, культуры, истории, традиций, общества и возможностей. Это знание было действенным, пригодным к использованию: на него Кромер и опирался в управлении Египтом.

В своем двухтомном труде «Современный Египет» Кромер приводит персональный канон ориенталистской «мудрости»: «Недостаток точности, который легко превращается в лживость – вот главная характеристика восточного ума. Хотя древние арабы и постигли своеобразную науку диалектики, их потомкам исключительно не хватает логических способностей. Уму восточного человека, как и его живописным улицам, не хватает симметрии. Его умозаключения совершенно небрежны». Восточные люди, или арабы, показаны легковверными, «лишенными энергии и инициативы», в большей степени приверженными к «чрезмерной лести», интригам, коварству и дурному обращению с животными.

Конечно, описания Кромера основываются отчасти на непосредственном наблюдении, но он обращается за поддержкой к авторитетным ориенталистам (Эрнесту Ренану и Костантену Вольне). Он не сомневается, что любое имеющееся на Западе знание о восточном человеке подтвердит его оценку. Все, что выходило за рамки этого тенденциозного представления о «восточном человеке», признавалось неправильным и неестественным. Поэтому Кромер объявил египетский национализм «совершенно нестандартной идеей» и «экзотическим растением». Можно предположить, что западная логика пыталась «исправить» это недоразумение.

Люди всегда делили мир на регионы, проводя реальные или мнимые различия между ними. Абсолютное разграничение Востока и Запада, которое Кромер и Бальфур принимали с таким самодовольством, является плодом работы многих веков.

Западно-центристский ориентализм

С середины 18 века во взаимоотношениях Востока и Запада существовали два принципиальных элемента. Один из них – это рост подкрепленного колониальным опытом знания в Европе о Востоке и широкое распространение интереса ко всему чужому и необычному, что становилось предметом изучения этнологии, сравнительной анатомии, филологии и истории. Впоследствии к этому систематическому знанию добавился значительный корпус литературных текстов, созданный писателями, поэтами, переводчиками.

Другая черта отношений Востока и Запада состояла в том, что Европа всегда стояла в позиции силы, если не сказать – господства. Действительно, отношение сильного к слабому можно попытаться скрыть или смягчить, как это происходит, когда Бальфур признает «величие» восточных цивилизаций. Но суть отношений в области политики, культуры и даже религии

основывалась на отношении сильного к слабому. Это находило отражение в оценках, эпитетах, сравнениях: восточный человек иррационален, развращен, ребячлив, он «Другой», тогда как европеец рационален, добродетелен, зрел, «нормален».

Оба названных элемента связаны между собой. Западное знание Востока в определенном смысле создает Восток, восточного человека и его мир. На языке Кромера и Бальфура восточный человек изображен как тот, кого судят (словно в суде), кого изучают и описывают (с исследовательской целью), кого дисциплинируют (будто он в школе или тюрьме), кого необходимо проиллюстрировать (подобно тому, как это делается в зоологическом справочнике). Дело в том, что в каждом из этих случаев восточный человек удерживается и презентуется в рамках подчиненного, зависимого.

Сила культуры – не тот предмет, который поддается простому объяснению, и в этом одна из задач обсуждаемой работы: проиллюстрировать, проанализировать и поразмышлять об ориентализме как о совместном функционировании силы и культуры.

На рубеже 19-20 веков было высказано предположение, что Восток и все, что с ним связанное, нуждались в корректирующем исследовании со стороны Запада. В таком случае, делает вывод Э. Саид, ориентализм – это знание о Востоке, помещенном в границы классной комнаты, суда, тюрьмы или учебника для внимательного изучения, суждения, дисциплинарного воздействия и управления.

В начале 20 века люди, подобные Бальфуру и Кромеру, могли говорить то, что они говорили, во многом потому, что более ранняя ориенталистская традиция снабдила их соответствующей лексикой, образным строем, риторикой и формами. Ориентализм был обусловлен определенным знанием, которое Европа, или Запад, в буквальном смысле навязала наибольшей части земной поверхности.

Период стремительного развития институтов и содержания ориентализма совпадает с периодом беспрецедентной экспансии Европы. С 1815 по 1914 годы колониальные владения Европы увеличились с 35 % территории до приблизительно 85 %. В этот процесс оказались втянутыми все континенты, не только Африка и Азия. Двумя величайшими империями были Британская и Французская. На Востоке, от восточных берегов Средиземного моря и до Индокитая и Малайи, их колониальные владения и имперские сферы влияния находились рядом, что приводило нередко к конфликту интересов.

Разделяя между собой колонии и сферы влияния, Англия и Франция поделили не только земли, прибыли, но и своего рода интеллектуальную власть, которую Э. Саид называет ориентализмом. В определенном смысле ориентализм был библиотекой или информационным архивом, который связал в единое целое идеи, касающиеся толкования восточного человека, его ментальности, генеалогии и, что более важно, наделяющие восточного человека устойчивыми характеристиками. И как любой набор устойчивых идей, представления ориенталистов повлияли как на тех, кого называли «восточными людьми», так и на тех, кого называли «западными людьми», европейцами.

Коротко говоря, ориентализм следует понимать как ряд понуждений и ограничений, а не как некую позитивную доктрину. Если сущность ориентализма заключена в неискоренимом разделении на западное превосходство и восточную неполноценность, то логичен вопрос: каким образом в своем развитии и последующей истории ориентализм породил, углубил и даже заострил это разделение?

Идеи ориентализма на протяжении 19-20 веков принимали различные формы. Прежде всего, в Европе существовала унаследованная от европейского же прошлого обширная литература о Востоке. Отличительная особенность периода конца 19-начала 20 веков (то есть когда ориентализм обретает современные черты) состоит в том, что именно тогда наблюдается Восточный ренессанс. Многим мыслителям, политикам и художникам, принадлежащим к различным кругам, внезапно начинает казаться, что появилось новое понимание Востока, простирающегося от Китая до Средиземного моря. Это понимание отчасти явилось следствием повторного открытия и появления переводов восточных текстов с таких языков, как санскрит, авестийский и арабский. Запад услышал голос Востока, его многовековую мудрость и художественное многообразие. Это был незнакомый Восток, далекий от сложившегося взгляда на него.

Повторное открытие Востока связано также с по-новому воспринимаемыми отношениями между Востоком и Западом. Рассматривая в качестве примера Востока Египет, Э. Саид связывает перемены в отношениях с Ближним Востоком с вторжением Наполеона в Египет в 1789 году. Именно с наполеоновской оккупацией Египта пришел в движение процесс выстраивания отношений между Востоком и Западом, который до сих пор определяет их культурные и политические перспективы. Наполеоновская экспедиция с ее коллективным памятником эрудиции, «Описание Египта», открыла пространство для ориентализма, поскольку Египет и вслед за ним другие исламские земли стали рассматривать как лабораторию, площадку для испытания правильности западного знания о Востоке.

Вобрав в себя наполеоновский опыт, Восток в качестве комплекса модели западного знания претерпел модернизацию. С этого периода почти повсеместно среди ориенталистов появляется стремление сформулировать свои открытия, опыт и озарения в современных терминах, выразить новые идеи по поводу Востока. Например, опубликованные в 1848 году результаты лингвистических исследований Ренана в области семитских языков опирались на достижения современной сравнительной грамматики, сравнительной анатомии и расовой теории. Это придало ориентализму определенный престиж и в то же время открыло ориентализм для модных и влиятельных течений западной мысли. Так, ориентализм испытал на себе воздействие империализма, позитивизма, утопизма, историзма, дарвинизма, расизма, фрейдизма, марксизма, шпенглеризма.

Подобно многим наукам, ориентализм имел и собственные «парадигмы» исследования. На протяжении 19 века престиж этой сферы значительно вырос, как и репутация и влияние таких институтов, как Азиатская компания, Королевское азиатское общество, Немецкое восточное общество, Американское восточное общество. По мере роста этих научных обществ в Европе повсеместно стало расти и число профессиональных исследователей Востока, и, следовательно, увеличивалось количество каналов распространения ориентализма.

Однако лишь небольшая часть этой деятельности и малое число институтов существовало и процветало свободно, поскольку третья форма существования ориентализма налагала ограничения на саму мысль о Востоке. Даже наделенные живым воображением писатели 19 века, такие как Флобер, Нерваль, Скотт, были связаны некоторыми рамками, определявшими, что они могли бы чувствовать или сказать по поводу Востока. Поскольку ориентализм был в основе своей политическим видением реальности, его структуры способствовали выявлению различий между знакомым (Европа, Запад, «мы») и незнакомым (Азия, Восток, «они»).

Когда обычной практикой для Британии 19 века стало отправлять своих администраторов из Индии или откуда-нибудь еще в отставку после достижения ими возраста 55 лет, произошло дальнейшее рафинирование ориентализма: ни одному восточному человеку не позволялось видеть западного человека пожилым и утратившим силы, точно так же, как западному человеку не приходилось видеть самого себя в зеркале глаз подчиненной расы иначе, чем энергичным, неизменно бдительным молодым господином.

Печальное эхо ориентализма

Определенная свобода формирования знания всегда была западной привилегией, поскольку он представлял более сильную культуру, он мог бороться, мог придавать форму и значение, как выразился Дизраэли, «великой азиатской загадке».

В этом и состоит ограниченность ориентализма, поскольку, как полагает Э. Саид, упускался из виду ограниченный набор понятий этой привилегированной позиции и сравнительная ограниченность ее видения. Э. Саид утверждает, что реальность ориентализма одновременно и антигуманна, и устойчива. Масштаб традиционного ориентализма, как и его институты, и широкое влияние, сохраняются и поныне.

Ложный, однобокий ориентализм выражает силу Запада и слабость Востока – так, как это видится со стороны Запада. Такая же сила и такая же слабость внутренне присущи ориентализму, как они присущи любому взгляду, делящему цельный мир на части, сущности, противопоставленные друг другу на основании их якобы радикального различия.

В этом и состоит главное умозаключение, продиктованное исследованием дискурса ориентализма. Можно ли разделить человеческую реальность на четко отличающиеся друг от друга культуры, истории, традиции, общества, даже расы, и при этом продолжать жить дальше по-человечески? Под жизнью по-человечески Э. Саид имел в виду жизнь без враждебности, выражаемой и подпитываемой самим этим делением человечества на, скажем, «нас» (западных людей) и «их» (восточных людей). Ведь подобные разделения исторически и до сих пор используются для того, чтобы навязать саму значимость этого различия на «тех» и «других» для достижения, как правило, неблагоприятных целей.

Продолжая тему пост-колониальных исследований, в следующей лекции мы будем говорить о книге Ямайки Кинкейд «Маленькое место».

Вопросы для закрепления темы:

1. Какую роль играл ориентализм как система знаний в оправдании политики экспансии западных имперских держав?
2. Как, на взгляд Э. Саида, связаны знание и власть?
3. Каким образом можно преодолеть ограниченность ориентализма и «демаркационную» линию между Востоком и Западом?

Литература:

1. Said Edward. Orientalism. – Pantheon, 1978.
2. Balfour's Arthur James speech to the House of Commons are from Great Britain. – Parliamentary Debates (Commons). – 1910. – 5th ser.
3. Thornton A. P. The Imperial Idea and Its Enemies: A Study in British Power. – London: Macmillan & Co., 1959. – P. 357-60
4. Baring Evelyn, Lord Cromer. Political and Literary Essays, 1908-1913. – N.Y.: Books for Libraries Press, 1969.
5. Judd Denis. Balfour and the British Empire: A Study in Imperial Evolution, 1874-1932. – London: MacMillan & Co, 1968.
6. Raskin Jonah. The Mythology of Imperialism. – New York: Random House, 1971.
7. Kiernan V. G. The Lords of Human Kind: Black Man, Yellow Man, and White Man in an Age of Empire. – Boston: Little, Brown & Co, 1969.